

Pierre et Paul «Пьер и Поль», *une table ou une chaise* «стол и стул»; 2) соединение тождественных элементов: *la table et la table* «стол и стол», что может быть представлено в виде *les deux tables* «два стола»; или *Pierre est grand et grand* «Пьер большой и большой», *Pierre est grand, grand* «Пьер большой, большой», *Pierre est très grand* «Пьер очень большой». Позиционное, или подчинительное соединение использует предлоги для выражения отношений между разными элементами и префиксы для выражения отношений между тождественными элементами, например, *couler de la montagne* «вытекать, течь из горы», *découler* «вытекать, „из-течь“». Структура окситанской фразы представлена Р. Лафоном на богатом материале, который анализируется автором как синхронно, на современном срезе, так и в диахронии. Р. Лафон постоянно прибегает к историческим сравнениям структуры синтагмы и структуры фразы, показывая эволюцию форм и их соединений в речи. При этом автор ищет объяснения структурным

изменениям в потребностях коммуникации. Именно коммуникация добавляет к диалектике лексики и морфосинтаксиса, говорит Р. Лафон, диалектику актуализации и синтагматической последовательности (стр. 490). Фраза, которая представляет собой высший уровень лингвистической единицы, органически соединяет в себе все возможности и ресурсы языка, она и содержит, и модифицирует то, что поставляет ей актуализация, ибо оперативное время фразы есть в то же время и оперативное время актуализации.

Такое вкратце содержание и основные идеи книги Р. Лафона. Лингвисты всех направлений найдут, несомненно, много интересного и полезного для себя в этом оригинальном, хорошо документированном исследовании, которое, как всякая общая теория языка, затрагивает, ставит и решает гораздо больше вопросов, чем это может отразить небольшая рецензия.

Л. М. Скрелина

G. Matoré. L'espace humain. L'expression de l'espace dans la vie, la pensée, et l'art contemporain. — Paris, La Colombe, 1962. 299 стр.

В современной лингвистической литературе большое место занимают работы, посвященные вопросам определения языкового (вербального) «покрытия» определенных отрезков, кусочков действительности, т. е. определения границ семантических (понятийных) полей. Одной из наиболее оригинальных работ, посвященных проблеме отражения в языке, в его лексике существующих в реальной действительности понятий и их взаимосвязей, является исследование Ж. Маторе, которое он озаглавил «Пространство и человек»¹. Хотя эта книга, появившаяся еще в 1962 г., не была, к сожалению, в свое время отмечена нашей лингвистической печатью, она не только представляет собой большой интерес, но и остается чрезвычайно актуальной, особенно в связи с тем вниманием, которое сейчас привлекают к себе проблемы социолингвистики.

Ж. Маторе, основные интересы которого лежат в области истории развития французской культуры, не впервые обращается к вопросам о связи культуры и языка². Не считая себя философом и черпая все, что относится к характерным тенденциям развития современной мыс-

ли из новейших философских работ, в основном, связанных с феноменологическим направлением, Ж. Маторе вынужден констатировать, что несмотря на постулируемую феноменологией необходимость обращения к конкретному, к тому, что является актуализацией мысли, т. е. к лингвистическому материалу, большинство философов не выходит за пределы сферы абстракций. Однако, указывает автор, философия выражения не может развиваться в сфере абстрактного, она должна основываться на изучении лингвистического материала, поскольку психические явления могут быть познаны лишь тогда, когда они актуализированы, т. е. вербализованы. Иными словами, в настоящее время необходима основанная на изучении лингвистических данных разработка теории выражения (*une théorie de l'expression*), которая всегда оставалась в тени за счет преобладающего развития теории значения (*une théorie de signification*).

Обосновывая выбор материала для исследования, Ж. Маторе исходит из того, что то пространство, которое дается нам в опыте, не является неким произвольным синтезом. Правда, понятие прост-

¹ См. также недавно вышедшую работу: A. Jacob, *Temps et langage*, Paris, 1968.

² См. G. Matoré, *Le vocabulaire et la société* sous Louis-Philippe, Droz,

1951; е г о ж е *La méthode en lexicologie*, Paris, 1953. Кроме того, в настоящее время он работает над «*Dictionnaire du français de base. Histoire du vocabulaire français*» (в соавторстве с Вартбургом)

ранства получает различное толкование в теориях разных авторов. Однако, если сопоставление различных концепций пространства оказывается произвольным в плане диахронии, оно вполне логично и осуществимо синхронически. Автор убедительно показывает, что современная мысль, не приемлющая существования изолированного объекта и отвергающая как рутину, так и хаос, пытается определить место вещей и придать им смысл. Современный человек рассматривает себя только в некоторой ситуации, он неотделим от места, которое занимает. Определить свое положение в пространстве значит для него осознать факт своего существования. Сказанное подтверждается тем, что в произведениях писателей, поэтов, философов, экономистов и, подчас, в самих заглавиях этих произведений все чаще появляются такие слова, как *seuil*, *aspect*, *carrefour*, *panorama*, *cheminement*, *distance*, *fondement*, *chemin*, *clé* и др. Если взять, например, творчество Ж.-П. Сартра, то в списке его произведений мы находим такие названия, как *Huis-clos*, *Le Mur*, *Situations* и пр. Сам выбор названий свидетельствует о том, что «мир» Сартра — это замкнутое пространство, откуда невозможно бегство и где человек должен определить свое положение.

Ж. Маторе считает, что преобладание пространственных образов в современной литературе, начиная с литературы научной и кончая периодикой, не вызвано ни случайностью, ни модой. Это явление имеет более глубокие причины и отражает саму сущность современной эпохи. Поэтому нельзя не пожалеть о том, что обширный языковой материал, отражающий современный характер восприятия человеком пространства, игнорируется, не исследуется. В частности, в многочисленных работах по эстетике и философии, отмечавших те изменения, которым подверглась концепция пространства, даже не ставится вопрос о том, как отразились эти изменения в языке, литературе и пр. Ж. Маторе видит цель своей работы в том, чтобы восполнить этот пробел и объяснить, как отразились в языке те изменения, которые понятие пространства претерпело в ходе развития человеческого общества.

Человек воспринимает пространство через зрительные, тактильные и двигательные ощущения, причем здесь можно установить определенную иерархию: в различные эпохи одно из них является ведущим. Например, в классическую эпоху мир ограничивался пространством зримым, созерцаемым. Однако созерцание это было рассудочным, анализируемым, а не наблюдаемым. Наша эпоха тоже явно характеризуется преобладанием зрительных восприятий и может быть названа «образной цивилизацией» (*civilisation de l'image*). Наш современник созерцает про-

изведения абстрактного искусства, ассоциирующиеся у него со сплюснутыми пейзажами и блеклыми тонами, которые он наблюдает с борта самолета; он живет в мире, где Фолкнер и Ро-Грийе создают свои системы пространственных отношений, где персонажи Ионеско и Бекета предстают в движении, где ученые рассматривают орбиты межпланетных полетов; он смотрит фильмы, где постоянно чередуются крупные и общие планы; он изучает карты, чертежи, восхищается строгими геометрическими пропорциями небоскребов. Все поступки его практической жизни и большая часть его душевных движений проявляются в зримом пространстве; причем зрительное восприятие является результатом контакта с определенными «участками» действительности или, по крайней мере, ожидания такого контакта, а не результатом некоей мыслительной операции.

Следующим этапом в развитии мысли является синтез. Он достигается, с одной стороны, созданием каталогов, индексов, библиографий, инвентарных списков и т. п., а с другой — составлением схем, карт и диаграмм. Таким образом одновременно складывается конкретное и синтезированное представление о вещах.

Следует заметить, что, по мнению Ж. Маторе, пространство это не только сенсорно-моторное представление, оно не только воспринимается, но и переживается (*il est vécu*). Поэтому, например, для меланезийца пространство одновременно заключает в себе конкретное и мифическое начала, организующиеся вокруг двух центров — жертвенник и хижина, противостоящих неизвестному и враждебному внешнему миру. В «цивилизованном мире» возникла концепция «жизненного пространства», выражающаяся в необоснованном стремлении к господству. Другая концепция пространства заключается в том, что человек в настоящее время живет в двух пространствах: географическом и социальном. Социологи приходят к выводу, что географическое пространство, естественная среда заменяются сходной (однородной) технической средой, отрицательной по отношению к личности и обезличивающей отношения между людьми. По мнению автора рецензируемой книги, в этом проявляются опасные тенденции как для отдельной личности, так и для целого коллектива.

Если отвлечься от научно не обоснованных и нередко идеалистических положений автора, то проблема, которую пытается решать Ж. Маторе, сводится к тому, чтобы инвентаризовать и объяснить лексический состав понятийного поля пространства и проследить пути метафоризации «пространственных единиц (выражений)», которые пронизывают весь язык, так же, как само понятие пространства пронизывает всю человеческую жизнь и деятельность.

Может показаться, что рецензируемая работа на более широком и, одновременно, более конкретном материале продолжает ту линию в лингвистике, основоположником которой является Трир и которую *mutatis mutandis* развивали Ипсен, Порциг, Вайсгербер, Роже, Халлиг, Вартбург и др. Однако исследование Ж. Маторе отличается, как будет видно из дальнейшего изложения, и подходом к объекту исследования и своей философской направленностью.

Используя «наивную» геометрию, Ж. Маторе методически рассматривает пространственные метафоры, переходя от простого к более сложному и стараясь представить насколько возможно более полную картину языкового отражения этого понятия. Он делит свою работу на следующие разделы:

I Геометризированная мысль, ее проявление и причины. В нем рассматриваются геометрически данные величины: линия, поверхность, объем, измерение, координаты, внешние и внутренние, схема, ситуация, структура и т. д. и их языковое выражение.

II. Современное пространство и его эстетическое выражение. В нем рассматривается выражение пространства в кино, в театре, в живописи. Это значит, что отправным моментом для автора являются «наиболее простые аспекты психической геометрии»: линия, поверхность, объем и, наконец, измерение. Затем он переходит к рассмотрению координат, внутрипространственных (точка, центр, полюс, ось и т. д.) и внепространственных или вокругпространственных (*le cordonnées autour de l'espace* — понятия рамки, кадра, окружения), которые играют значительную роль в современном восприятии пространства.

На основе изучения указанных аспектов пространства становится возможным обнаружить явления психической пространственности (*spatialité*), которые являются наиболее важными и наименее очевидными. Это — движение (*le mouvement*) и прерывность (*le discontinu*).

Все в современном мире подвижно, даже точки и оси, но некоторые слова выражают движение особенно четко: пути, перекрестки, слияния и т. п. Перед современной мыслью постоянно встают вопросы: имеется ли выход или доступ? Находимся ли мы в закрытом или открытом пространстве? Имеется ли у нас ключ к нему? Ведь движение в современную эпоху не есть нечто равномерное, мы живем в период толчков, колебаний, изменений, эпоху господства прерывности, когда возможность ориентироваться связана с системой ориентиров, вех, меток.

Современное пространство, как и человек, который его воспринимает, есть некая историческая совокупность (*totalité*), проявлениями которой являются литература, все виды искусства и язык. При-

меняя «метод сравнения», Ж. Маторе рассматривает во второй части своей работы современное пространство в его проявлениях в литературе, живописи, кино, театре.

Основным объектом исследования являются пространственные метафоры. Во все времена различные языки использовали определенные слова, первоначально служившие для обозначения пространства, чтобы выразить отношения другого рода. Так, например, предлоги, первоначально указывавшие на местонахождение, употреблялись в дальнейшем для выражения порядка, цели, принадлежности и т. п.; например, значение локальности у предлога *sub* (лат.) в *sub terra* уступает место временному (*sub noctem, sub lucem*). Аналогичное явление имеет место во французском языке, где наряду с предлогами, сохраняющими пространственное значение (*près de partir*), существует ряд образований, в которых значение места не находит непосредственного выражения, например, *sur ma parole, sous peine de...* и др.

Вот как анализирует Ж. Маторе современное употребление слова *plan*. Оно рассматривается в двух основных значениях: а) поверхность (*une étendue plan*) и б) схема, проект (*un projet dessiné*). Дав философское определение этого понятия в каждом случае, Маторе приводит многочисленные примеры употребления слова *plan* в философских работах и в современной журналистике. В числе этих примеров мы находим: *sur le plan de* (= *au point de vue*); *se placer sur un autre plan, sur un plan élevé; se placer sur le plan esthétique; le roman s'effectuant sur quatre plans; plan extérieur; plan politique; le plan de modernisation; le Conseil du Plan; le Commissariat au Plan* и т. д. Автор приводит также и такие неоднократно встречающиеся, особенно в публицистике, производные от слова *plan*, как *planifier, planification, aplanir* и даже заимствованное (с сохранением значения) из английского языка *planning*.

В настоящее время происходит процесс «опространствования» мысли (*la spatialisation de la pensée*). В языке этот процесс реализуется по-разному. Например, слово, первоначально обозначавшее пространство, но затем перешедшее в какую-либо другую сферу, заменяется в употреблении однородным, но более конкретным словом, как *le domaine* → *le plan; le point* → *le rôle; la ligne* → *l'axe* и пр. В других случаях используется уточняющий контекст или какой-либо типографский способ, который должен символизировать возвращение к первоначальному смыслу. Это особенно ярко проявилось при переводе на французский язык немецких философских терминов: так, понятие *exister* объясняется философами как *être hors de soi*. Этим же истолкованием можно объяснить часто встречаю-

щееся в последнее время написание *ex-ister* (ср. *ek-slase*, *pro-jet*, *meta-physique* у Сартра и других модернистов).

Изучение пространственных метафор показывает, что ощущение человеком пространства связано с многими другими ощущениями. Использование пространственных метафор для выражения психических явлений имеет давнюю историю. Так, в произведениях авторов XVII в. встречаются такие выражения, как *la grandeur d'une action*; *l'algèbre est une science profonde*. Популярность пространственных метафор особенно возрастает в эпоху романтизма, которая, начиная с утверждения, что *le monde extérieur existe*, образует такие метафоры, как *l'étendre de la tendresse d'un coeur de femme* (Бальзак) или *ligne politique* (Сент-Бёф). Однако в современный период количество пространственных метафор в значительной степени превосходит все предшествующие эпохи.

Что же такое пространственная метафора? К какой категории образов (*images*) ее следует отнести? Если философы занимаются исследованием генезиса, механизма и типологии образа, то лингвисты до сих пор не уделяли должного внимания этим проблемам, считая их чуждыми своей науке. Некоторые основания для этого у них имелись. Метафора — наиболее характерная разновидность образа — представляет собой результат процесса в высшей степени динамичного, трудно уловимого и не всегда доступного наблюдению. При этом пространственные метафоры составляют особую группу, поскольку темы их так разнообразны, что они покрывают почти все сферы человеческой деятельности. Кроме того, они отличаются особым динамизмом. Эти образы передают движение или связь (*marche*, *chemin*, *ouverture*, *insertion*, *clé* и др.). Каждый из них при всей своей видимой устойчивости готов прийти в движение (*plan*, *ligne*, *point* и др.) или стать объектом движения (*ligne*, *surface* и др.). Сами по себе они не обладают определенной семантикой. Свою «значимость», «ценность» (*valeur*) они приобретают в контексте. Их можно сравнить с пейзажем, который меняется в зависимости от освещения, атмосферы, интерпретации художника. Все часто употребляющиеся метафоры лексикализуются, но пространственные метафоры, вследствие своей природы, быстрее, чем другие, теряют контакт с ощущением, являющимся их источником.

Обработав колоссальное количество материала, собранного из различных жанров литературы и живой речи, проследив пути метафоризации пространственных образов, изучив использование пространства в кино (где пространство мнимое) и в театре (где оно, хотя и трехмерно, но также мнимое, поскольку является «имитацией» окружающего нас пространства и т. д.), Ж. Маторе приходит к выводу, что

лингвистическое исследование, чтобы быть достоверным, должно основываться на эмпирическом подходе к объекту, отпавляться от тех материалов, которыми располагает исследователь.

Лингвистика, развивающаяся на научных основах, всегда испытывала необходимость опереться на науки более древнего происхождения, располагающие эффективными методами исследования. Именно таким образом возникли историческая лингвистика, органическая лингвистика, основывающаяся на естественных науках, лингвистика, связанная с традиционной психологией, социологическая лингвистика и т. п.

Позиции Ф. де Соссюра, который сделал попытку ввести специфические лингвистические методы, Ж. Маторе отвергает потому, что соссюровские методы основываются на устаревших философских концепциях. В современном лингвистическом исследовании должны использоваться методы, основанные на достижениях современной лингвистической мысли и вытекающие из нее. Он утверждает, что современная лингвистика, как дескриптивная, так и историческая, дает нам сведения об изучаемом объекте, но не может объяснить его природы. Так называемая «семиология» в современном состоянии является, по существу, мета-языком семиотики и не дает языкознанию ничего, кроме поверхностных сравнений. Подлинное же объяснение следует искать не в области знаков, а за ее пределами. Однако сложность проблемы заключается в том, что язык не может быть понят «извне» как застывшее явление физического мира. Он принадлежит к сфере сознания и должен исследоваться методами, которые не нарушают его целостности. Поэтому Ж. Маторе предлагает дополнить семиологическое исследование знаков исследованием значений на феноменологическом уровне, что обеспечит, по его мнению, проникновение в данные языка.

Процесс изучения лингвистических явлений должен происходить одновременно в нескольких измерениях. Схематически Ж. Маторе представляет это не в виде горизонтального поля, где протянулись линии, соединяющие полярно противоположные точки — обозначающее и обозначаемое, — но в виде поверхности объема, имеющего много взаимосвязанных уровней объективизации (феноменология, психоаналитика, диалектика и др.), между которыми в процессе исследования происходит постоянное поступательно-возвратное движение, и исследователь может на каждом уровне использовать специфические приемы возрастающей трудности.

Как уже неоднократно указывалось в литературе, одной из основных проблем всякого исследования словарного состава языка является проблема соотношения

логику-концептуальной и реальной сторон исследования. Иными словами, речь идет о том, чтобы обнаружить и определить сам объект лексического исследования. Распространившаяся в настоящее время тенденция к поискам чисто формального, сугубо, или собственно, лингвистического подхода к соответствующим явлениям вряд ли может быть признана очень продуктивной. В частности, поиски «семантического компонента» представителями порождающей грамматики, основывающимися на чисто формальных лингвистических принципах и предположениях, вряд ли могут быть признаны продуктивными и полезными, — во всяком случае пока они не внесли сколько-нибудь существенного вклада в разработку семасиологической теории (подробнее этот вопрос разбирается одним из авторов настоящей рецензии в статье «К критике современных методов лингвистической семантики». ВЯ, 1963, 3).

Поэтому следует приветствовать работу Ж. Маторе, последовательно стремящегося обнаружить ту исторически обусловленную и потому необходимую связь, которая устанавливается между некоторой совокупностью экстралингвистических фактов и системой понятий, опять-таки же с необходимостью, по самой природе вещей, существующих только в соответствии с теми терминами или словами. Очень удачен и выбор темы. Действительно, понятие пространства это одна из тех основных философских категорий, которые всегда присутствуют не только во всех философских системах, но и обязательно отражаются в виде конкретных слов и словосочетаний естественных человеческих языков. Стремление автора реально и систематически проанализировать и описать соответствующую лексическую подсистему на базе данного развития и течения мыслей о реальном мире надо всячески приветствовать. Особенно ценным надо признать то, что автор на всем протяжении своей работы сохраняет тот «полет мысли», ту способность действительно охватить предмет во всей его полноте, которые позволяют ему достигнуть такой емкости и многомерности описания, какие вряд ли когда-либо удавались кому-либо из лингвистов. Тщательное изучение рецензируемой книги безусловно очень много даст семасиологам также и потому, что для Ж. Маторе, язык — это не плоская замкнутая в себе семантическая система наподобие азбуки Морзе, а реальность, общественная жизнь человеческого коллектива, сложнейшая система понятий и отношений, неразрывно связанная с искусством, этикой и наукой вообще.

Поскольку одним из величайших достижений работы является именно ее конкретность, ее направленность на реальные факты языка, как в высокой степени положительный момент следует отметить

наличие очень интересных фактических данных, конкретно демонстрирующих развитие соответствующего научного концепта пространства как категории науки. Вместе со всеми другими основными философскими и научными категориями этот концепт переживает исторически обусловленные изменения, очень своеобразные, сложные и в высшей степени интересные для того, кто хотел бы фундаментально исследовать лексикологическое исследование на реальности экстралингвистических факторов. Богатый материал, нередко весьма контрастные противопоставления делают работу исключительно интересной, в особенности если принять во внимание то, что самый широкий полет общенаучной мысли оказывается неизменно связанным, сопоставленным с самыми «будничными» и фактологическими явлениями языка, такими, например, как предлоги, постепенно развившиеся из пространственных наречий и т. п.

Таким образом, Ж. Маторе реально осуществляет им самим же выдвинутые требования к вполне научной семасиологической теории. Нельзя не согласиться с оценкой, которую он дает современной семиологии. Действительно, в ее современном состоянии семиология сводится, по существу, к упражнению в метафизике семиотики, хотя вряд ли можно сомневаться, что подлинное объяснение семасиологического явления следует искать не в области знаковых систем, а за их пределами. Никакого сомнения не может быть в том, что язык принадлежит общественным явлениям и что его природа, как таковая, во всей ее сложности может быть изучена только при условии, если действительно будут тщательно и детально исследованы те значения, которые лежат в его основе и которые являются продуктом и выражением данной совокупности общественно-исторических отношений и «ценностей», отражая как их синхронические состояния или срез, так и их движение и развитие.

Таковы те несомненные достоинства рецензируемой работы и причины, заставляющие авторов настоящей рецензии так настойчиво предлагать вниманию советского читателя основные идеи этой весьма примечательной книги.

Однако, отдавая дань несомненным достоинствам работы, нельзя не отметить и ее более или менее очевидные недостатки. Думается, что критика советского читателя должна быть направлена прежде всего на общие философские предпосылки, на которых строится исследование. Для авторов настоящей рецензии единственно приемлемым общеполитическим учением является диалектический материализм, исходящий из первичности материального мира с его единством, из материалистического, монистического мировоззрения. Общеполитическая концепция Ж. Маторе, к сожалению, не отличается четкостью

и монолитностью, без которых многие из его очень интересных, конкретных лингво-философских построений оказываются базирующимися на весьма шаткой основе философского феноменализма.

Те явления сознания, из которых Ж. Маторе выводит свои семасиологические построения, слишком часто оказываются явлениями сознания трансцендентального, т. е. не обусловливаемого конкретными общественно-историческими предпосылками. Поэтому, хотя представление об экстралингвистической реальности, об объективной, реальной действительности общественной жизни, породившей ту или иную систему концептов и далее — словосочетаний, и предполагается на всем протяжении работы, тем не менее исходной его никак не становится вполне явной. Вновь и вновь ведущим к основному «исходному» оказывается не сама реальная действительность, а процесс ее теоретического осмысления, предмет мыслей, искусства выносятся за скобки самого процесса мышления. Нечего и говорить о том, что развитие мышления в основном представляется как процесс эволюционный. Революционный характер переворотов в науке, в системе эстетических категорий, во всей идеологической структуре человеческого мышления не выступает с той очевидностью, какой он заслуживает по самой природе вещей. А ведь именно революционные перевороты в науке не только выдвигают новые проблемы, новые понятия и оценки, но и приводят к принципиально новым способам осмысления действительности.

Как видно из сказанного, критические замечания касаются не богатого фактического материала и не тех более конкретных лингвистических построений и выводов, которые сумел сделать в своей книге Ж. Маторе. Критическому рассмотрению и, по-видимому, гораздо более детальному, чем это можно было сделать в настоящей лингвистической рецензии, должна быть подвергнута общая философская позиция автора. Конечно, можно сказать, что при отсутствии достаточно надежной общеполитологической основы вся конкретная система лингвистических выводов как бы оказывается построенной на песке, лишенной вполне надежной основы. Однако такое положение не является чем-то специфическим именно для языкознания. И в других науках можно найти немало случаев, когда прекрасное знание оказывается как бы повисшим в воздухе вследствие отсутствия той строгой и определенной общеполитологической основы, без которой оно не может по самой природе вещей иметь твердую онтологическую базу.

В заключение, взвесив все «за» и «против», можно с полной определенностью оценить эту работу как очень важный и интересный вклад не только в общелингвистическую теорию, но и — что особенно важно для авторов настоящей рецензии, — в развитии конкретной методики лексико-семантического исследования языка.

Э. М. Медникова, И. В. Гюббенет

J. Vuković. Sintaksa glagola. — Sarajevo, 1967. 417 стр.

Книга Й. Вуковича «Синтаксис глагола» состоит из десяти отдельных исследований, статей и обзоров, среди которых наибольший интерес представляет последняя статья, озаглавленная «Система сербскохорватских глагольных времен и их временное и функциональное соотношение», в которой предлагается новая концепция глагольного синтаксиса и новые методы его изучения.

Исследования, выполненные в духе традиционного подхода, даже если они опираются на богатый фактический материал, не могут привести в области глагольного синтаксиса к существенно новым результатам, как об этом свидетельствуют остальные статьи этой же книги Й. Вуковича или, например, работа другого известного специалиста в этой области М. Стевановича¹. Структурный подход

должен, по мнению Й. Вуковича, способствовать решению тех вопросов, которые не могли быть объяснены традиционными методами. Он формулирует свою задачу следующим образом: «Считая предметом исследования только систему временных форм с точки зрения выражаемых ими временных значений, я хотел бы представить эту систему со всеми ее внутренними связями и отношениями, исходя из трех основных планов, релевантных для каждой отдельной формы и каждого ее употребления. Я бы хотел определить для каждой грамматической формы времени основное значение, присущее ей в системе, и все частные особенности ее употребления, а также выяснить, в какой мере необходимо учитывать для наиболее точного определения основных и частных значений не один, а все три плана рассмотрения» (стр. 354—355).

Первый план — определение отрезка времени, занимаемого действием, выраженным глагольной формой времени («вре-

¹ М. Стеванович, Функције значења глаголских времена, Београд, 1967.